

*Воспоминания
двух юных жен*

Жорж Санд

Дорогой Жорж, мое посвящение не приумножит блеска имени, которому предстоит чудесным образом осветить эту книгу, однако рукой моей водили отнюдь не смирение и не корысть. Этим посвящением я желал бы засвидетельствовать истинную дружбу, которая связует нас вопреки нашим долгим странствиям, нашим уединенным трудам и злоречию света. Чувство это, без сомнения, никогда не остынет. Радость, с какой я вывожу в начале своих многочисленных сочинений имена друзей, отчасти искупает те огорчения, которых стоили мне эти творения, ибо они даются мне нелегко да вдобавок навлекают на меня упреки в устрашающей плодовитости — словно мир, который я описываю, менее плодovit! Как будет прекрасно, Жорж, если однажды какой-нибудь знаток литературных древностей обнаружит, что все эти имена принадлежали великим и славным людям, чьи благородные сердца горели святой и чистой дружбой! Разве не должен я гордиться этим несомненным счастьем больше, чем неверным успехом? Разве не должен быть счастлив человек, хорошо Вас знающий, если может называть себя, как это делаю я,

Вашим другом

Оноре де Бальзаком.

Париж, июнь 1840 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Почти все предлагаемые читателю письма сочинены в несколько приемов. Лишь немногие — их легко узнать — вырвались из опечаленного или ликующего сердца одним духом и написаны в один присест, все же прочие писаны не вдруг. В них запечатлены наблюдения нескольких дней либо события целой недели. Поскольку, прежде чем попасть к читателю, книга должна пройти более или менее тщательную литературную обработку, мы принуждены были перемежать письма того и другого рода. Может статься, мы были не правы. Тот, кому дружеская рука самым обыкновенным и ничуть не романическим образом завещала это бесценное наследство и кто привел в порядок эту переписку, услышит хвалы своему труду из уст снисходительных друзей или хулу заклятых врагов. Если публике будет угодно, впоследствии мы обратимся к оригиналам писем и издадим их в первоначальном виде. Мы опубликуем и ответы Рене, из которых пока отобрали лишь часть, наиболее интересную, дабы избежать длиннот. В XVIII столетии многие романы жилились на письмах — этом вместилище задушевных мыслей, но вот уже сорок лет, как романы в письмах вышли из моды, поэтому сегодня публикация писем требует большой осторожности. Сердце многословно.

Я полагаю, никто не осудит нас за то, что из почтения к отпрыскам знатных родов двух стран мы изменили подлинные имена.

Переписка эта нуждается в снисхождении: она отлична от живых и увлекательных сочинений нашей эпохи, алчущей драм и охотно прощающей небрежности стиля тому, кто сумеет разжечь любопытство публики. Натурально, книге нашей требуется покровительство тех редких сегодня избранных читателей, чье умонаправление в каком-то смысле противоположно умонаправлению нашего времени.

Если бы издатель желал выпустить в свет не хронику современной частной жизни, а роман, он — можете поверить! — действовал бы иначе. Впрочем, он не отрицает, что выбирал, правил и располагал письма по своему вкусу; однако труды его сводились к обработке чужих мыслей.

Жарди́, май 1840 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

К мадемуазель Рене де Мокомб

Париж, сентябрь

Дорогая козочка, я тоже вырвалась на волю! А если ты еще не успела написать мне в Блуа, я к тому же первой поспела на наше почтовое свидание. Оторви свои дивные черные глаза от первой фразы и побереги свое изумление для письма, где я поверю тебе мою первую любовь. Почему-то все толкуют о первой любви — выходит, бывает и вторая? «Молчи, — воскликнешь ты, — расскажи лучше, как тебе удалось вырваться из монастыря, где ты осуждена была посвятить себя Богу?» Дорогая моя, какие бы чудеса ни происходили с кармелитками, чудо моего избавления совершилось самым естественным образом. Голос устрешенной совести в конце концов одержал верх над неумолимым расчетом, только и всего. Тетушка, которая не могла безучастно смотреть, как я чахну, настойчиво уговаривала матушку, по-прежнему считавшую послушничество единственным лекарством от моего недуга, и матушка в конце концов уступила. Черная меланхолия, в которую поверг меня твой отъезд, ускорила счастливую развязку. И вот, ангел мой, я в Париже, и произошло это благодаря тебе. Ах, Рене, если бы ты видела меня в тот день, когда ты уехала и я осталась одна, — ты могла бы гордиться, что сумела внушить столь юному сердцу чувства столь глубокие. Мы так часто вместе грезили наяву, так далеко уносились на крыльях мечты, так долго прожили бок о бок, что мне кажется, будто души

наши слились воедино, как тела двух венгерских девочек, о которых нам рассказывал господин Пригож, — между прочим, до чего же не подходит ему это имя! У него просто идеальная наружность для монастырского врача! Не захворала ли и ты одновременно с твоей душенькой? В мрачном унынии я могла только перебирать мысленно все связующие нас узы; я боялась, что разлука порвет их, жизнь мне опостылела и смерть казалась сладостной; я тихо угасала, словно одинокая горлица. Остаться одной в Блуа, в кармелитском монастыре, трепетать от страха, что придется принять постриг, подобно мадемуазель де Лавальер, но не испытав, увы, того, что испытала она, — и все это без моей любимой Рене! Я захворала, и не на шутку. Когда мы были вместе, однообразное существование, где все: обязанности, молитвы, работы — так строго расписано по часам, что в любое время дня и ночи можно сказать наверняка, чем занимается в эту минуту кармелитка, живущая в самом отдаленном монастыре, — это ужасное существование, когда тебе все равно, что происходит вокруг, было исполнено разнообразия: ничто не сдерживало полета нашей мысли, фантазия вручила нам ключ от своего царства, мы служили друг другу чудесным гиппогрифом, более бодрая тормошила более вялую, и души наши резвились вволю, завладевая миром, куда путь нам был заказан. Все, вплоть до Житий святых, помогало нам постигать самые сокровенные тайны! Но в день, когда нас разлучили, я стала настоящей кармелиткой — современной Данаидой, которая, в отличие от Данаид древности, вечно наполнявших бездонную бочку, обречена дни напролет тащить из неведомого колодца пустое ведро, не теряя надежды, что оно окажется полным. Тетушка не ведала о том, что творилось у нас в душе. Она, познавшая Царство Божие на крохотном клочке монастырской земли, никак не могла понять моего отвращения к жизни. Чтобы в наши ле-

та избрать монашескую стезю, потребно либо чрезвычайное простодушие, каковым мы, дорогая козочка, не обладаем, либо жертвенный пыл, который делает мою тетушку созданием высшим. Тетушка принесла себя в жертву обожаемому брату — но кто способен пожертвовать собой ради людей, которых никогда не видел, или ради идей?

Вот уже две недели у меня на языке вертится столько сумасбродных слов, в сердце похоронено столько мыслей, а в уме накопилось столько наблюдений и рассказов, которые можно поверить только тебе, что без крайнего средства — откровенных писем, заменивших наши милые беседы, — я просто задохнулась бы. Как нужна нам жизнь сердца! Сегодня утром я начинаю вести дневник; надеюсь, ты тоже начала свой, и через несколько дней я окажусь рядом с тобой в твоей прекрасной долине Жеменос, которую знаю только по твоим рассказам, а ты переселишься в Париж, который видела только в мечтах.

Итак, дитя мое, в одно прекрасное утро — оно будет отмечено розовой закладкой в книге моей жизни — за мной приехали из Парижа барышня-компаньонка и Филипп, последний слуга моей бабушки. Когда тетушка прислала за мной и объявила эту новость, я от радости лишилась дара речи и совершенно потерялась. «Дитя мое, — сказала мне тетушка своим гортанным голосом, — ты, я вижу, покидаешь меня без сожаления, но мы расстаемся не навсегда: на твоём челе я вижу печать Господню; ты горячка, а гордость ведет либо на небеса, либо в ад. Впрочем, душа твоя благородна, и благородство удержит тебя от падения! Я знаю тебя лучше, чем знаешь себя ты сама: страсти, которые будут обуревать тебя, не чета страстям женщин заурядных!» Она ласково привлекла меня к себе и поцеловала в лоб, вложив в свой поцелуй огонь, который ее сжигает, огонь, от которого потемнела лазурь ее глаз, одрябли веки, поредели на висках

золотистые волосы и пожелтело прекрасное лицо. У меня пробежал мороз по коже. Прежде чем ответить, я поцеловала ей руки. «Дорогая тетушка, — сказала я, — если даже ваша бесконечная доброта не могла мне обрести в вашей обители телесное здоровье и душевный покой, то сколько же слез нужно мне пролить, чтобы вернуться сюда; вы не можете желать мне столько горя. Я вернусь, лишь если мой Людовик XIV предаст меня, но пусть только он попадет в мои сети — разлучить с ним меня сможет только смерть! Никакая Монтеспан мне не страшна». — «Ступайте, безрассудная девчонка, — сказала тетушка с улыбкой, — не оставляйте эти суетные мысли здесь, забирайте их с собой и знайте, что вы больше похожи на маркизу де Монтеспан, чем на мадемуазель де Лавальер». Я поцеловала ее. Бедняжка не могла удержаться и проводила меня до кареты, глядя то на фамильный герб, то на меня.

Ночь застала меня в Божанси; после необычного прощания с тетушкой душа моя словно оцепенела. Что ждет меня в столь желанном свете? Наконец карета остановилась у подъезда нашего дома; сердечные мои порывы пропали даром: никто меня не встретил. Матушка была в Булонском лесу, отец — в Совете; брат мой, герцог де Реторе, как мне сказали, появляется дома только затем, чтобы переодеться к обеду. Мадемуазель Гриффит (коготки у нее и правда как у грифа) и Филипп проводили меня в мои покои.

Эти покои принадлежали прежде моей любимой бабушке, княгине де Воремон, оставившей мне состояние, размеров которого я не знаю. Ты поймешь, какая грусть охватила меня на пороге этого жилища, священного в моей памяти. Все здесь осталось точно таким же, как при ней! Мне предстояло спать на кровати, где она испустила дух. Присев на край козетки, я плакала, не замечая, что я не одна, я вспоминала, как часто забиралась к бабушке на колени,

чтобы лучше слышать ее, вспоминала ее лицо, утопающее в пожелтевших кружевах и осунувшееся от старости и предсмертных мук. Спальня эта, казалось мне, еще хранит ее тепло. Ужели мадемуазель Арманду Луизу Марию де Шолье ждет участь простой крестьянки, которая ложится в постель, еще не успевшую остыть после смерти матери? — ибо, хотя княгиня умерла в 1817 году, мне казалось, будто это случилось только вчера. В спальне находились вещи, которым было здесь вовсе не место, — свидетельство того, как мало люди, занятые делами королевства, пекутся о своих собственных делах и как быстро все забыли эту благородную даму, одну из выдающихся женщин XVIII столетия. Филипп по-своему истолковал причину моих слез. Он сказал, что княгиня отказала всю мебель мне. Вообще, все парадные покои по распоряжению моего отца остаются в том виде, в каком он нашел их после Революции. Я встала, Филипп распахнул передо мной дверь маленькой гостиной, выходящей в приемную, и я увидела знакомую картину запустения: над дверями, где некогда висели старинные полотна, пусто, мраморные статуи разбиты, зеркала раскрадены. Раньше я боялась подниматься по парадной лестнице и проходить под высокими сводами больших пустынных зал, поэтому избегала по маленькой лесенке, которая вьется под сводом большой и ведет к потайной двери бабушкиной уборной.

Покои состоят из гостиной, спальни и этой прелестной алой с золотом комнатки, которую я только что упомянула: они занимают крыло, смотрящее на собор Инвалидов. От бульвара Инвалидов дом отделен только стеной, увитой плющом, да рядом великолепных деревьев, смыкающихся кронами с вязами, окаймляющими боковую аллею бульвара. Если бы не голубой с золотом купол и не серая громада собора, можно было бы подумать, что кругом лес. Судя по

виду этих трех комнат и по их расположению, прежде здесь были парадные покои герцогинь де Шолье. Покои герцогов находились, должно быть, в противоположном крыле; два крыла благопристойно разделены просторными сумрачными и гулкими залами центральной части здания, такими же запустелыми, как в пору моего детства. Видя мое удивление, Филипп, приведший меня сюда, заговорил доверительным тоном. В этом дипломатическом доме, дорогая, слуги не отличаются словоохотливостью и хранят загадочный вид. Филипп поведал мне, что вот-вот выйдет закон, по которому эмигрантам возместят стоимость их имущества. Отец мой откладывает ремонтные работы до этого времени. Королевский архитектор сказал, что работы обойдутся в триста тысяч ливров. Услышав эту цифру, я в слезах упала на софу. Как! Вместо того чтобы дать эти деньги мне в приданое, отец хотел на всю жизнь заточить меня в монастырь? Вот что суждено было мне узнать на пороге отчего дома. Ах, Рене, мне так хотелось положить голову к тебе на плечо, так хотелось перенестись во времена, когда бабушка одушевляла эти комнаты своим присутствием. Она, живущая только в моем сердце, и ты, живущая в Мокombe, в двухстах лье от меня, — вот единственные существа, которые меня любят или любили. Эта чудесная старая дама с такими молодыми глазами любила просыпаться от звука моего голоса. Как прекрасно мы понимали друг друга! Нахлынувшие воспоминания резко изменили мое настроение. Я увидела нечто священное в том, что еще секунду назад казалось мне кошунством. Легкий аромат старинной пудры для волос, витавший в комнате, показался мне сладостным, я восхитилась тем, что буду спать под пологом из желтой в белый цветочек камки на кровати, которая, верно, еще помнит взгляд бабушки и ее дыхание и над которой, может статься, парит ее дух. Я приказала Филиппу привести все в порядок

и сделать мои покои пригодными для жилья. Я сама показала ему, что куда поставить. Вступая во владение, я устроила смотр всей мебели и утвари и растолковала Филиппу, как обновить эти дорогие мне старинные вещи. Спальня утратила свою перевозчанную белизну, золото игривых арабесок также местами потускнело от времени, отчего, впрочем, стало еще лучше сочетаться с блеклыми красками старинного ковра — его вместе со своим портретом подарил бабушке Людовик XV. Стенные часы — подарок маршала Саксонского. Фарфоровые статуэтки на камине — память о маршале де Ришелье. С портрета в овальной раме двадцатипятилетняя бабушка смотрит на короля, чье изображение висит напротив. Портрета князя здесь нет. Мне нравится это откровенное, неприкрытое забвение, которое одним штрихом рисует чудесный нрав бабушки. Когда бабушка сильно захворала, духовник уговаривал ее допустить к себе мужа, ожидавшего в гостиной. «Только вместе с доктором и лекарствами», — отвечала она. Кровать с балдахинном и мягкими спинками; полог ниспадает широкими складками; мебель из позолоченного дерева, обитая желтой в белый цветочек камкой. Занавески на окнах из такой же камки с подбоем из белого шелка, похожего на муар. Не знаю, кто автор росписей над дверями; изображены на них восход солнца и лунная ночь. Весьма замечателен камин. По нему видно, что в прошлом столетии люди любили посидеть у огня. Камин был центром гостиной; мой камелек — просто прелесть: медный позолоченный очаг дивного литья, наличник тончайшей работы, совок и щипцы превосходной чеканки, мехи — все восхитительно! Экран работы Гобеленов вставлен в великолепную раму: по ножкам, по раме, по ручкам будут очаровательные резвые фигурки; работа тонкая, словно на веере. Хотела бы я знать, кто подарил бабушке эту чудесную вещь, которую она так любила?

Сколько раз я видела, как она, сидя в глубоком кресле и поставив ногу на нижнюю перекладину каминной решетки, то и дело брала со столика табакерку, а потом снова ставила ее между коробочкой с леденцами и шелковыми митенками! Была ли бабушка кокеткой? До последнего дня она заботилась о своей наружности так же тщательно, как во времена, когда был написан этот дивный портрет и когда к ней съезжался весь цвет двора. Глядя на кресло, я вспомнила, как она усаживалась в него, неподражаемым движением оправляя юбки. Эти дамы былых времен уносят с собой секреты своего очарования. Разве матушка моя может похвастаться гордой посадкой головы, манерой бросать слова и взгляды, особым языком — всем тем, что отличало княгиню? Лукавство сочеталось в ней с добродушием, настойчивость никогда не превращалась в навязчивость, речь ее была разом подробна и лаконична; хорошая рассказчица, она умела находить нужные и меткие слова. А главное, она обладала чрезвычайной свободой суждения, которая, несомненно, повлияла на склад моего ума. С семи до десяти лет я торчала у нее целыми днями; она так же радовалась, видя меня, как я — видя ее. Наша взаимная привязанность вызывала неудовольствие моей матушки, а ведь запретный плод особенно сладок. Как дивно произносила бабушка: «А, вот и вы, маленькая шалунья!» — когда я любопытной змейкой проскальзывала к ней в двери. Она чувствовала себя любимой, ее тешила моя простодушная преданность, озарявшая зиму ее старости лучом солнца. Не знаю, что происходило в ее покоях по вечерам, но к ней съезжалось много гостей; когда утром я входила на цыпочках, чтобы посмотреть, встала ли она, я видела, что мебель в гостиной передвинута, посередине стоят игорные столы, по полу рассыпан табак. Гостиная обставлена в том же стиле, что и спальня: мебель причудливых форм, на гнутых ножках и украшенная резьбой. Зер-

кала увиты сверху донизу пышными резными гирляндами цветов. На консолях стоят красивые китайские вазы-рожки. Обивка диванов и кресел пунцовая с белым. Бабушка всегда любила эти тона — ведь она была обворожительная жгучая брюнетка. В гостиной я увидела письменный стол — подарок генуэзца из рода Ломеллини; когда-то я любила разглядывать украшающие его накладки из чеканного серебра. Столешница поделена на четыре части, на каждой из них изображено одно из времен года; там сотни фигурок. Два часа провела я в полном одиночестве в святилище, где угасла одна из самых замечательных женщин эпохи Людовика XV, славная своим умом и красотой, и во мне чередой пробуждались воспоминания. Ты знаешь, что меня внезапно разлучили с княгиней в 1816 году. «Ступайте, проститесь с бабушкой!» — сказала мне матушка перед отъездом. Старая дама приняла новость без удивления и, казалось, нимало не огорчилась. Она встретила меня как обычно. «Ты отправляешься в монастырь, моя прелесть, — сказала она, — ты познакомишься там со своей теткой, она достойная женщина. Я позабочусь, чтобы тебя не принесли в жертву, ты сохранишь свободу и сможешь выйти, за кого захочешь». Полгода спустя она умерла; завещание она доверила самому преданному из своих старых друзей, князю де Талейрану, который, навещая мадемуазель де Шаржебеф, нашел средство передать мне через нее, что бабушка запретила мне приносить обет. Надеюсь, рано или поздно я увижусь с князем и, несомненно, узнаю больше. Таким образом, милая моя козочка, хотя меня и никто не встретил, я утешилась беседой с тенью дорогой бабушки и смогла выполнить один из наших уговоров, который, как ты помнишь, состоит в том, чтобы посвящать друг друга в мельчайшие подробности нашей жизни и жизни наших домашних. Так хочется знать, где и как живет близкое существо! Рассказывай

же и ты мне, ничего не пропуская, обо всем, что тебя окружает, даже о том, как лучи заходящего солнца золотят кроны высоких деревьев.

10 октября

Приехала я в три часа пополудни. В половине шестого Роза доложила мне, что вернулась матушка; я спустилась, чтобы поздороваться с ней. Покои матушки расположены в первом этаже в том же крыле дома, что и мои. Я могу спускаться туда по потайной лестнице. Покои отца находятся в противоположном крыле; они гораздо просторнее наших, поскольку с нашей стороны много места отнимает парадная лестница. Наши старинные дома так велики, что родители мои, вопреки высокому положению, которое они вновь обрели с возвращением Бурбонов, по-прежнему живут в первом этаже и даже устраивают там приемы. Матушка, в вечернем платье, ждала меня в своей гостиной, где ничто не переменялось. Спускаясь по ступенькам, я гадала, как примет меня эта женщина, которая так мало думала обо мне, что за все восемь лет, как тебе известно, написала мне всего два раза. Считаю недостойным разыгрывать нежность, которую я не могу испытывать, я прикинулась глупенькой монастырской. Мне было очень не по себе, но замешательство мое тотчас рассеялось. Матушка была обворожительна; она встретила меня без притворной нежности, но и без холодности, она не отвернулась от меня, как от чужой, но и не прижала меня к груди, как возлюбленную дочь; она встретила меня так, будто мы расстались вчера, так, словно она моя верная, душевная подруга; поцеловав меня в лоб, она заговорила со мной как с ровней. «Дорогая моя девочка, — сказала она, — раз уж монастырское житье для вас хуже смерти, живите с нами. Вы разрушаете планы вашего отца и мои, но нынче уже не те времена, когда дети слепо повиновались родителям. Намерение господина де

Шолье, равно как и мое, — сделать все возможное, чтобы вы ни в чем не нуждались и могли увидеть свет. В ваши лета я рассуждала бы так же, как вы, поэтому я на вас нимало не сержусь: вы не можете понять, чего мы от вас хотели. Я не буду к вам чересчур строга. Если вы сомневались в моем расположении, то скоро увидите, что напрасно. Я предоставляю вам полную свободу, но думаю, что на первых порах было бы благоразумно с вашей стороны прислушаться к советам матери, которая относится к вам как сестра». Герцогиня говорила мягким голосом, расправляя мою пансионскую пелеринку. Она меня совершенно очаровала. В тридцать восемь лет она прекрасна как ангел; у нее темно-синие глаза, шелковистые ресницы, лоб без единой морщинки, цвет лица бело-розовый, словно она румянится, плечи и грудь восхитительные, талия гибкая и тонкая, как у тебя, руки редкой красоты и молочной белизны, ногти отполированы до блеска, мизинец слегка отставлен, большой палец словно выточен из слоновой кости. Наконец, ножка ее под стать руке — это ножка испанки, как у мадемуазель де Ванденес. Если она так хороша в сорок лет, она будет красива и в шестьдесят. Я держалась, моя козочка, как примерная дочь. Я была с ней так же ласкова, как и она со мной, даже еще ласковее: красота ее покорила меня, я все ей простила, поняв, что такой женщине, как она, пристала только роль королевы. В простоте душевной я сказала ей об этом, как сказала бы тебе. Быть может, она не ожидала услышать слова любви из уст дочери? Мое неподдельное восхищение бесконечно растрогало ее: она переменилась, стала еще нежнее и перешла со мной на «ты». «Ты славная девочка, — сказала она, — и я надеюсь, что мы будем добрыми подругами». Это замечание показалось мне исполненным прелестной наивности. Но я ничем не выдала своих чувств: я сразу поняла, что должна позволить ей считать себя гораздо проникательнее

и умнее меня. Итак, я притворилась простушкой, и это привело ее в восторг. Я несколько раз принималась целовать ей руки, говоря, как я рада такому обхождению, как мне легко с ней, и даже призналась, что прежде ужасно ее боялась. Она улыбнулась, обняла меня за шею, привлекла к себе и нежно поцеловала в лоб. «Дитя мое, — сказала она, — сегодня вечером мы ждем гостей; я думаю, вы согласитесь, что вам стоит повременить и, пока портниха не оденет вас, не выходить к гостям, поэтому, повидавшись с отцом и с братом, вы подниметесь к себе». Я охотно согласилась. Дивный наряд матушки стал для меня открытием мира, рисовавшегося нам в мечтах, но я не почувствовала ни единого укола зависти. Вошел отец. «Сударь, вот ваша дочь», — сказала герцогиня.

Отец против ожидания встретил меня очень приветливо; он так хорошо разыграл отцовскую нежность, что я даже поверила в его искренность. «Так вот она, эта строптивница!» — сказал он, беря меня за руки и целуя их, как сделал бы самый галантный кавалер. Он обнял меня за талию, привлек к себе, стал целовать в щеки и в лоб. «Надеюсь, ваш успех в свете вознаградит нас за огорчение, которое причинил нам ваш отказ принять обет... Знаете ли вы, сударыня, что она будет красавицей и вы сможете ею гордиться?.. А вот и ваш брат Реторе... Альфонс, — обратился он к красивому молодому человеку, вошедшему в комнату, — вот ваша сестра-монастырка, которая не желает оставаться в монастыре». Брат мой неспешно подошел и пожал мне руку. «Поцелуйте же ее», — сказал ему герцог. Альфонс расцеловал меня в обе щеки. «Рад вас видеть, сестрица, — сказал он, — я на вашей стороне». Я поблагодарила его; впрочем, мне кажется, он мог бы заехать в Блуа, когда навещал нашего брата маркиза, — ведь гарнизон его стоит в Орлеане. Я поспешила удалиться, пока не приехали гости. У себя я кое-что переставила, разложила на пунцовом бархате

стола письменные принадлежности и стала обдумывать свое новое положение.

Вот, дивная моя белая козочка, полный отчет о том, как восемнадцатилетняя девушка после девятилетнего отсутствия возвратилась в лоно одного из самых прославленных семейств королевства. Дорога утомила меня, и встреча с родными стоила немалых волнений, поэтому я поужинала и улеглась спать в восемь часов, как в монастыре. Для меня сохранили даже маленький прибор саксонского фарфора, на котором бабушка обедала и ужинала у себя, когда ей хотелось побыть одной.

II

От Луизы де Шолье к Рене де Мокомб

25 ноября

Проснувшись наутро, я увидела, что старый Филипп привел в порядок мои комнаты и поставил в вазы цветы. Одним словом, я обосновалась на новом месте. Но никто не подумал о том, что воспитанница кармелиток привыкла рано вставать, и Роза с большим трудом раздобыла для меня завтрак. «Барышня легла спать, когда подали обед, и встала, когда его сиятельство вернулись домой», — сказала она. Я села писать. Около часа пополудни в дверь моей маленькой гостиной постучал отец; он спросил, могу ли я принять его; я отворила дверь, он вошел и застал меня за письмом к тебе. «Дорогая моя, вам надо заказать туалеты; в этом кошельке двенадцать тысяч франков. Это содержание, которое я определил вам на год. Посоветуйтесь с вашей матушкой относительно новой гувернантки, если вам не нравится мисс Гриффит; у госпожи де Шолье нет времени сопровождать вас по утрам. У вас будет своя карета и лакей». — «Оставьте мне Филиппа», — попросила я. «Извольте, — отвечал он. — Ни о чем не тревожьтесь: ваше состояние позволяет вам не быть

в тягость ни вашей матушке, ни мне». — «Не будет ли нескромно спросить, как велико мое состояние?» — «Нимало, дитя мое, ваша бабушка оставила вам пятьсот тысяч франков — это ее собственные сбережения, ибо она ни за что не хотела лишить семью ни единого клочка земли. Она поместила эту сумму в государственную ренту. Проценты с этой суммы составляют сегодня сорок тысяч франков в год. Я хотел, чтобы она отошла вашему второму брату, поэтому вы разрушаете мои планы, но, быть может, в скором времени вы меня выручите; я на вас надеюсь. Вы, кажется, разумнее, чем я ожидал. Мне нет нужды говорить вам, как подобает вести себя барышне из рода Шолье; гордость, запечатленная в ваших чертах, служит надежной порукой вашего благоразумия. Предосторожности, которые принимают по отношению к своим дочерям люди низкого звания, для нас оскорбительны. Злословие на ваш счет будет стоить жизни либо обидчику, либо, если суд небес окажется неправеден, одному из ваших братьев. Мне нечего добавить. До свидания, девочка моя». Он поцеловал меня в лоб и удалился. Девять лет они были непреклонны, и я не могу понять, отчего они вдруг отступились от своих планов. Отец со мной откровенен, это мне по душе. Он совершенно ясно сказал: мое состояние должно перейти к моему брату, графу. Кто же пожалел меня: мать, отец или, может быть, брат?

После ухода отца я долго сидела на бабушкиной козетке, глядя на кошелек, который отец оставил на камине; мне было неприятно, что я так много думаю о деньгах, но в то же время я не могла отвести от этого кошелька глаз. Хотя, по правде говоря, думать тут было не о чем: терзаться угрызениями совести из-за этих денег было бы ниже моего достоинства. Филипп целый день бегал по разным лавкам и искал мастериц, которые могли бы меня преобразить. И вот явилась некая Викторина, знаменитая портниха, а с нею белошвейка и башмачник. Мне, как ребенку, не терпится увидеть,

что будет, когда я сброшу наконец монастырское платье, которое висит на мне мешком, но все они трудятся ужасно медленно: корсетных дел мастеру нужна неделя, иначе, говорит он, я испорчу себе талию. Дело серьезное; у меня, значит, есть талия? Жансен, башмачник, обувающий актрис Оперы, уверяет, что у меня нога как у матушки. На эти важные занятия ушло все утро. Явился даже перчаточник, который снял мерку с моей руки. Я отдала распоряжения белошвейке. Когда я обедала, а все остальные завтракали, матушка предложила мне вместе поехать в модную лавку; она сказала, что хочет воспитать мой вкус и научить меня заказывать шляпы. Я ошеломлена началом независимой жизни, как слепой, который внезапно прозрел. Теперь я знаю: разница между кармелиткой и светской барышней так велика, как нам и не снилось. За завтраком отец был рассеян, и мы не мешали ему предаваться своим мыслям: он посвящен во все тайны короля. Обо мне он совсем забыл, но я уже поняла: когда я ему понадобится, он все вспомнит. Отец мой, несмотря на свои пятьдесят лет, весьма привлекателен: он подтянут, хорошо сложен, у него белокурые волосы, благородная осанка и прекрасные манеры; лицо его — выразительное и непроницаемое разом — лицо дипломата, нос длинный и тонкий, глаза карие. Какая красивая пара! И как странно видеть, что два эти существа, равно знатные, богатые, одаренные, живут каждый своей жизнью, не связанные ничем, кроме имени, и тем не менее слывут в глазах света дружной четой. Вчера они принимали цвет двора и дипломатии. Скоро я поеду на бал к герцогине де Мофриньез и вступлю в свет, который так мечтала узнать. Каждое утро ко мне будет приходиться учитель танцев: через месяц я должна уметь танцевать, иначе бала мне не видать. Перед ужином матушка зашла ко мне поговорить о гувернантке. Я решила оставить при себе мисс Гриффит, которую рекомендовал матушке английский посланник. Эта мисс —

дочь пастора; она получила прекрасное воспитание; мать ее была дворянка. Моей Гриффит тридцать шесть лет, она будет учить меня английскому. Она недурна собой и еще может нравиться, она шотландка, бедна и горда. Спать моя компаньонка будет в одной комнате с Розой, которая будет ей прислуживать. Я сразу увидела, что такая компаньонка — прекрасная компания: я без труда смогу ею командовать. За те шесть дней, что мы провели вместе, она хорошо поняла, что я единственная, кто может принять в ней участие; а я, несмотря на ее чопорность, хорошо поняла, что она будет ко мне не слишком строга. Мне кажется, она девушка добрая, но скрытная. Я так и не смогла выведать, о чем говорила с ней матушка.

Вот еще одна новость — по-моему, впрочем, малоинтересная! Сегодня утром отец отказался от предложенного ему министерского портфеля. Вот отчего он был вчера так задумчив. Он сказал, что предпочитает место посла докуке парламентских дебатов. Ему нравится Испания. Я узнала эти новости за завтраком — в тот единственный час, когда отец, мать и брат собираются вместе, так сказать, в семейном кругу. Слуги являются в столовую только по звонку. Все остальное время ни отца, ни брата дома нет. Матушка одевается, с двух до четырех часов она где-то пропадает, в четыре выезжает на прогулку и через час возвращается, с шести до семи она принимает визитеров, если не обедает в городе; вечер занят развлечениями: театром, балами, концертами, приемами. Словом, у нее нет ни минуты свободной. Вероятно, она все утро проводит за туалетом, ибо к завтраку, который начинается в одиннадцать и длится до полудня, она является божественно прекрасной. Я начинаю догадываться, что она делает, по звукам, доносящимся снизу: сначала она принимает прохладную ванну и выпивает чашку холодного кофе со сливками, затем одевается; она никогда не встает раньше девяти, разве что в исключительных случаях;

летом она по утрам совершает прогулки верхом. В два часа пополудни к ней приезжает молодой человек, которого мне пока не довелось увидеть. Вот наш семейный уклад. Встречаемся мы за завтраком и за обедом; впрочем, обедаем мы частенько вдвоем с матушкой. Я подозреваю, что еще чаще мне придется обедать у себя в обществе мисс Гриффит, как делала бабушка. Матушка нередко обедает в городе. Меня уже не удивляет, что домашние обращают на меня так мало внимания. Милая моя, в Париже любить людей, которые живут с тобой бок о бок — героизм, ведь здесь человеку впору позабыть себя самого. Как быстро в этом городе вычеркивают из памяти отсутствующих! Впрочем, я ведь еще нигде не бываю и ничего не знаю; я жду, когда меня научат уму-разуму, когда мой наряд и мой облик будут удовлетворять требованиям света, жизнь которого меня поражает, хотя я слышу его шум лишь издали. Выхожу я пока только в сад. Скоро открывается сезон в Итальянской опере. Матушка абонирует там ложу. Мне безумно хочется послушать итальянскую музыку, а также французскую оперу. Я исподволь расстаюсь с монастырскими привычками и приобретаю светские. Пишу я тебе по вечерам, перед сном, а ложусь теперь позже, в десять, матушка же, если она не в театре, отправляется в это время куда-нибудь на бал. В Париже двенадцать театров. Я чрезвычайно необразованна и много читаю, но без всякого разбора. Одна книга отсылает меня к другой. Я нахожу на обложке томика, который читаю, названия незнакомых книг и берусь за них; совета мне спросить не у кого, поэтому иной раз мне попадают сочинения весьма скучные. Все, что я прочла из современной литературы, крутится вокруг любви — предмета, который так занимал нас: ведь мы полностью зависим от мужчин и живем только ради них; но как далеко этим авторам до двух маленьких девочек, «белой козочки» Рене и «душеньки» Луизы! Ах, ангел мой, какие жалкие события, какие странные

поступки и какое убогое представление о любви! Впрочем, две книги понравились мне чрезвычайно: это «Коринна» и «Адольф». По этой причине я спросила отца, могу ли я увидеть госпожу де Сталь. Мать, отец и Альфонс рассмеялись. Альфонс воскликнул: «Она что, с луны свалилась?» Отец заметил: «Нехорошо смеяться, она же только вчера из монастыря». — «Дитя мое, госпожа де Сталь умерла», — мягко сказала мне герцогиня. «Разве возможно обмануть женщину?» — спросила я у мисс Гриффит, дочитав «Адольфа». «Все можно, если она влюблена», — отвечала мисс Гриффит. Ну скажи, Рене, разве найдется мужчина, который смог бы нас обмануть?.. В конце концов мисс Гриффит почувствовала, что я не так уж глупа, что я получила какое-то неведомое ей образование — то самое, которое мы с тобой дали друг другу в наших бесконечных беседах. Она поняла, что наивность моя распространяется только на внешнюю сторону вещей. Бедняжка невольно открыла мне свое сердце. В ее односложном ответе слышались отзвуки самых страшных несчастий, я содрогнулась. Гриффит твердит мне, чтобы я не доверяла блеску света и всего остерегалась, в особенности того, что мне больше всего понравится... Больше она ничего не знает и не может мне сказать. Ее увещевания чересчур однообразны. Она похожа на птицу, которая кричит всегда одно и то же.

III

От Луизы де Шолье к Рене де Мокомб

Декабрь

Дорогая моя, вот я и готова вступить в свет, но прежде мне пришлось изрядно помучиться. Сегодня утром после долгих приуготовлений я наконец туго затянута в корсет, обута, причесана, наряжена, убрана. Я поступила как дуэлянты перед поединком: по-

упражнялась при закрытых дверях. Я хотела увидеть себя во всеоружии и удостоверилась, что вид у меня победительный, торжествующий и совершенно неотразимый. Я оглядела себя со всех сторон и вынесла себе приговор. Я произвела смотр своим силам, следуя прекрасному завету древних: «Познай самого себя!» И это знакомство с самой собой доставило мне огромную радость. В свою игру в куклы я посвятила только Гриффит. Я была разом и куклой, и девчонкой, которая с ней забавляется. Ты, верно, полагаешь, что знаешь меня? Нимало!

Взгляни, Рене, на портрет твоей сестры, которая прежде была одета кармелиткой, а ныне обрела свое истинное лицо — лицо беззаботной светской барышни. Я одна из самых красивых девушек во всей Франции — если не считать Прованса. Вот к какому приятному заключению я пришла. У меня есть недостатки, но, будь я мужчиной, я бы полюбила и их. Эти недостатки — продолжение надежд, которые я подаю. Когда целых две недели восхищаешься безупречно округлыми руками матери и когда эта мать не кто-нибудь, а герцогиня де Шолье, то чувствуешь себя несчастной, видя, как худы твои собственные руки; но я утешилась тонким запястьем и изящным очерком впадин, однажды они заполнятся атласной плотью, которая придаст моим рукам округлость. У меня суховаты не только руки, но и плечи. По правде говоря, плеч у меня вовсе нет — одни только острые, торчащие лопатки. И вдобавок негибкая талия и костлявые бедра. Уф! Вот я и перечислила все изъяны до единого. Зато линии моего стана плавны и четки, выразительное лицо пышет здоровьем, под прозрачной кожей струится, неся с собою жизнь, голубая кровь. Зато самая белокурая дочь белокурой Евы рядом со мной просто негритянка! Зато у меня ножки газели, хрупкая фигурка, правильные черты и греческий профиль. Слишком яркий румянец? Пожалуй, но зато он еще много лет будет играть у меня

на щеках; я чудесный недозрелый плод, и грация у меня тоже еще незрелая. Словом, лицо мое похоже на то, которое в старом тетушкином молитвеннике вырастает из лиловой лилии. Мои голубые глаза глядят не глупо, но гордо, перламутровые веки оттенены тоненькими жилками, а густые длинные ресницы напоминают шелковую бахрому. Лоб мой сияет белизной, густые волосы ниспадают пепельно-золотистыми локонами, более темными у середины, откуда вырывается несколько непокорных завитков, выдающих, что я не анемичная блондинка, которая, чуть что, лишается чувств, но блондинка полуденных широт, полная жизни, которая не ждет, пока на нее нападут, а наносит удар первой. Между прочим, парикмахер хотел расчесать мои волосы на прямой пробор и повесить мне на лоб жемчужину на золотой цепочке, утверждая, что я буду похожа на средневековую даму. «Примите к сведению, — ответила я, — что мне еще далеко до средних лет, и нет нужды носить украшения, которые молодят!» Нос у меня тонкий, ноздри глубоко вырезаны и разделены очаровательной розовой перегородочкой; он придает лицу повелительное и насмешливое выражение, а кончик его такой нервный, что никогда не потолстеет и не покраснеет. Дорогая моя козочка, если всего этого мало, чтобы взять девушку в жены без приданого, значит, я ничего не понимаю в женской красоте. Ушки у меня очень кокетливой формы, и мочки их белее жемчуга. Шея у меня длинная, с тем змеиным изгибом, что придает столько величия. В полумраке она кажется золотистой. Ах! рот у меня, может быть, великоват, но он так выразителен, губы такие яркие и улыбочивые! И главное, дорогая, все во мне гармонично: походка, голос! Я могла бы поспорить с бабушкой, чьи юбки плыли словно сами собой, не касаясь ног. Словом, я хороша и грациозна. Если я захочу, то могу хохотать до упаду, как мы частенько хохотали с тобой, и при этом не упаду ни в чьих глазах: ямочки, которые легкие

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Мильчина. О Бальзаке и бальзаковских женщинах</i>	5
---	---

ВОСПОМИНАНИЯ ДВУХ ЮНЫХ ЖЕН

Предисловие к первому изданию	23
Часть первая	25
Часть вторая	211
Комментарии. <i>В. Мильчина</i>	263

Литературно-художественное издание

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК
ВОСПОМИНАНИЯ ДВУХ ЮНЫХ ЖЕН

Ответственная за выпуск Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Алексея Положенцева
Корректоры Валерий Камендо, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 11.01.2018. Формат издания 75 × 100¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-7415-06-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/